

Р 142805

М. В. ФРУНЗЕ

**ЕДИНАЯ
ВОЕННАЯ ДОКТРИНА
И КРАСНАЯ АРМИЯ**

О

ВОЕНИЗДАТ НКО СССР — 1941

М. В. ФРУНЗЕ

ЕДИНАЯ
ВОЕННАЯ ДОКТРИНА
И КРАСНАЯ АРМИЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1941

М. В. ФРУНЗЕ

„Единая военная доктрина и Красная Армия“

В предлагаемой работе, написанной М. В. Фрунзе в 1921 г., освещается исключительно важный вопрос о единой военной доктрине в Красной Армии.

Брошюра предназначается для начальствующего состава Красной Армии.

ЕДИНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И КРАСНАЯ АРМИЯ ¹

I

Одним из наиболее важных вопросов, приковывающих внимание нашей современной военной мысли, является вопрос о так называемой «единой военной доктрине».

Предметом оживленного обсуждения служил он в статьях, помещенных рядом военных специалистов на страницах ныне уже не существующего журнала «Военное дело»; к нему же вплотную подходит мысль армейских работников, о чем свидетельствуют протоколы многих военных совещаний, посвящавшихся вопросам реорганизации Красной Армии.

Все это говорит о наличии глубокого теоретического и практического интереса, возбуждаемого данным вопросом. Но, к сожалению, дальше простого интереса дело пока вперед не двинулось, ибо до сих пор мы не только не имеем попыток систематизации учений о нашей военной доктрине, но и самое содержание этого понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным.

Характерна в этом отношении та разногласица мнений и взглядов, которая обнаружилась в статьях наших старых военных специалистов. Вышло буквально по пословице: «Сколько голов, столько и умов». По признанию крупнейших представителей военного мира, оказалось, что у нашего старого генерального штаба не существует никаких определенных взглядов по этому основному вопросу военной теории, и даже более того — нет ясного представления, в чем, собственно, состоит самый вопрос, нет умения правильно поставить его.

Этот факт, говорящий, прежде всего, о крайней скудости военно-теоретического багажа, доставшегося нам в наследство от старой армии, способен навести на грустные размышления по поводу дальнейших попыток в этом направлении. И надо

¹ «Армия и революция», № 1, 1921 г.

признать, что в опасениях подобного рода, несомненно, есть некоторая доля основательности, но только известная доля.

Стоит только вспомнить ту общественно-политическую обстановку, в которой развивалась и работала мысль наших старших товарищей по военному делу. В атмосфере полицейского самодержавного строя, с подавлением им всякой общественной и личной инициативы, на фоне нашей общей экономической и политической отсталости, при крайней рутине навыков и взглядов во всех сферах общественной деятельности, конечно, не могло быть и речи о каком-то широком научном творчестве.

Все эти уродливости особенно ярко сказывались в постановке нашего военного дела, где беспощадно в корне пресекалась пытливая мысль и подрезалась инициатива. Поэтому объективно никто не может ставить в вину старому генеральному штабу ту растерянность и беспомощность, которые обнаруживаются им по ряду вопросов. Тем не менее факт остается фактом, и считаться с ним приходится всем тем, кому дороги интересы нашей Советской республики и дальнейшее развитие и укрепление ее военной мощи.

Мы думаем, что на основе вновь создавшихся общественных отношений, в обстановке, не только позволяющей, но и прямо требующей от каждого честного гражданина выявления максимальной энергии и инициативы, сумеет быстро развиться и окрепнуть и наша военно-теоретическая мысль. Думаем, что среди старого генерального штаба найдется немало работников, способных совлечь со своего духовного «я» одежды ветхого Адама, не могущего мыслить иначе, как в пределах узких рамок и привычных представлений буржуазного мировоззрения, пропитанного духом мещанской тупости и косности.

В этой способности стряхнуть с себя остатки старой рутин, разобраться во всей сложности происходящих кругом нас явлений ломки старого мира, стать на точку зрения выдвигающихся на арену жизни новых общественных классов и заключается основное условие плодотворности теоретической работы наших товарищей специалистов. Практический же опыт, полученный многими из них в рядах Красной Армии, даст для этой работы достаточный материал.

Все это, взятое вместе с деятельностью только что распускающего крылья молодого поколения наших военных работников, выдвинувшихся за время революционных войн из народных низов, дает полную уверенность в том, что в ближайшем будущем быстро сдвинется вперед дело осмысливания нашего военного опыта и выработка тех единых взглядов, ко-

торые должны лечь в основу боевой подготовки Красной Армии и отсутствие которых сейчас болезненно чувствуется в ней всеми нами сверху донизу.

Предлагаемая вниманию читателей статья является попыткой поставить вопрос о «единой военной доктрине» с точки зрения интересов рабочего государства и революции и наметить тот примерный путь, которым, как нам кажется, должна идти разработка вопроса.

II

Прежде всего, что представляет собою понятие «единая военная доктрина»? В чем практический смысл этой идеи?

Ответ на этот вопрос уже намечается при самом поверхностном взгляде на сущность современных войн, характер нынешних боевых задач и условий их разрешения.

Войны текущего исторического периода в сравнении с предшествующей эпохой имеют целый ряд характерных особенностей. В то время как прежде исход боевых столкновений зависел от сравнительно небольших групп населения, или образующих постоянные отряды, считавшие войну своей профессией, или же временно привлекавшихся в ряды войск для этих целей, теперь участниками войны являются почти поголовно целые народы, сражаются не тысячи или десятки тысяч людей, а целые миллионы, — самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы. Театром военных действий теперь являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей, родов оружия, и т. д. и т. д.

При этих условиях основному требованию военного искусства и науки — цельности общего плана и строгой согласованности при его проведении — грозит величайшая опасность повиснуть в воздухе. В то время как в прежних войнах момент непосредственного руководства вождями отдельными частями боевого организма составлял обычное явление, теперь об этом не может быть и речи. Между тем это единство, цельность и согласованность нужны теперь более, чем когда-либо. И они нужны не только в период уже развертывающихся боевых операций, но и тогда, когда идет предварительная подготовка к ним, ибо, как общее правило, эта подготовительная работа как государства, взятого в целом, так

и его военного аппарата сама играет решающую роль. Государство должно заранее определить характер общей и, в частности, военной политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии.

Что касается военного аппарата, то, основываясь на общегосударственной программе, он должен принять наиболее отвечающую общим государственным заданиям организационную форму и дальнейшей работой создать прочное единство всех вооруженных сил, связанных сверху донизу общностью взглядов как на характер самих военных задач, так и на способы их разрешения.

Эта работа по выработке единства мысли и воли в рядах армии является делом чрезвычайно сложным и трудным и может успешно протекать только тогда, когда она совершается планомерно, на основе положений, отчетливо сформулированных и санкционированных общественным мнением руководящего страной класса.

Из сказанного ясно, какое огромное практическое значение для всего дела военного строительства Республики имеет учение о «единой военной доктрине». Оно должно, прежде всего, указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние. В зависимости от того или иного решения этого вопроса военной политики определяется и весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных войсковых соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны.

Учение это должно быть обязательно единым, являясь выражением единой воли стоящего у власти общественного класса.

Вот примерный круг общих идей и вытекающих из них практических задач, который должен быть охвачен понятием «единой военной доктрины».

Выше уже было отмечено, что более или менее общепринятой и точной формулировки этого понятия нет в нашей военной литературе. Но при всем разнообразии мнений, высказанных по поводу содержания понятия «единой военной доктрины», основные моменты у большинства определений приблизительно совпадают. Основываясь на изложенном выше,

моменты эти можно свести к двум группам: 1) технической и 2) политической. Первую образует все то, что касается организационных основ строительства Красной Армии, характера боевой подготовки войск и методов разрешения боевых задач. Ко второй же относится момент зависимости и связи технической стороны строительства вооруженных сил с общим строем государственной жизни, определяющим ту общественную среду, в которой должна совершаться военная работа, и самый характер военных задач.

Таким образом, можно было бы предположить такое определение «единой военной доктрины»: «единая военная доктрина» есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны.

Формулировка эта отнюдь не претендует на конструктивную законченность и полную логическую безупречность. В конце концов, вопрос совершенно не в этом. Важно основное содержание понятия; что же касается окончательной кристаллизации его, то это дело дальнейшей практической и теоретической разработки вопроса.

III

Установив общее логическое содержание «единой военной доктрины», перейдем теперь к вопросу о конкретном практическом содержании этого понятия в применении к реально существующим армиям в различных государствах.

В этом отношении особенно интересно остановиться на примере трех государств, обладающих вполне развитыми и воплотившимися в определенную форму вооруженными силами с ярко выраженными чертами единой военной идеологии (военная доктрина). Я имею в виду Германию, Францию и Англию. Начнем с первой.

Германия до самого последнего времени была государством с наиболее мощным военным аппаратом, стройной системой организации вооруженных сил и совершенно определенной военной идеологией, единой для руководящих элементов как армии, так и всей страны.

Основной чертой германской военной доктрины в ее технической части (т. е. чисто военной) является чрезвычайно ярко выраженный наступательный дух. Идея активности, иска-

ние решения боевых задач путем энергичного, смелого и неуклонно проводимого наступления проникает все германские уставы и наставления для высших начальников. Эта же идея и определила собой структуру всего германского военного аппарата, выдвинув на первый план разработку оперативных проблем и создав в лице германского Большого штаба мощный и высокоавторитетный орган, руководящий всей деятельностью по разработке военных планов и по боевой подготовке войск. Воспитание и обучение всех войск шло в духе этой наступательной тактики и в конечном результате подготовило такую совершенную по своей структуре и подготовке военную силу, которая после, на полях гигантских сражений империалистической войны, выявила в полной мере свои выдающиеся боевые качества.

Спрашивается: чему или кому была обязана Германия наличием в ее распоряжении такой превосходной по качеству вооруженной силы?

Первый ответ на этот вопрос уже дан тем, что она воспитывала свою армию на основе «единой военной доктрины», построенной в соответствии с выводами военного искусства. Но это только первый ответ. Мы должны спросить дальше: а почему германская армия получила такую доктрину, почему она вся сверху донизу пропиталась ею, в то время как, например, в России ничего подобного не было, хотя теоретическое знание военного искусства имелось и здесь несомненно?

Ответом на это не может служить указание на исключительные военные дарования германских военных деятелей, будто бы силой своего гения открывших тайны побед и созданием германской военной доктрины поставивших свою армию на недостижимую высоту. Такое объяснение детски наивно, но его приходится отметить, ибо в статьях некоторых наших военных специалистов сплошь и рядом проглядывает стремление свести суть вопроса о создании военной доктрины к действиям и талантам отдельных выдающихся лиц (см., например, такое определение: «военная доктрина есть пророческий глас военного гения» и тому подобная чепуха).

Основные черты германской доктрины отнюдь не являются случайным явлением; они целиком и в полной мере оказываются производными от общего строя германского быта и жизни эпохи до империалистической войны.

В самом деле, что представляла собою Германская империя к началу 1914 г.? Это было мощное экономически и

политически капиталистическое государство с ярко выраженной империалистической окраской, государство, проводившее откровенно хищническую политику и, опираясь на свои материальные и культурные силы, стремившееся к мировой гегемонии. Наличие крупных конкурентов в лице других империалистических стран (Франция, Англия, Россия и др.), исторически раньше создавших государственно-национальные объединения и успевших захватить лучшие куски общемировой добычи, заставляет империалистическую Германию напрячь все силы свои в борьбе за мировое положение. Правящий в Германии буржуазный класс всю жизнь страны подчиняет этой основной государственной цели — победе над конкурентами.

Пресса, наука, искусство, школа, армия — все организуется и направляется буржуазией в одну точку. Буржуазии удастся развратить и подчинить своему влиянию даже значительные слои германского пролетариата — класса, объективно враждебного той хищнической линии поведения, которая проводилась буржуазией. И на этой почве, в этой атмосфере всеобщего преклонения перед армией и флотом, на основе активнейшей внешней политики, ставившей армии определенно наступательные задачи, не могло создаться никакой другой германской военной доктрины, кроме той, которую мы перед собой имеем. В личном составе генерального штаба и всей германской армии, в самой личности императора Вильгельма как нельзя лучше отразилась вся Германия самодовольных буржуа и помещиков, уверенных в своей силе и упоенных мечтами о мировом могуществе. «Германия превыше всего» — вот тот девиз, который отравлял сознание большинства германского народа в эпоху империалистической войны. И верные этому девизу германские полки, уверенно следуя принципам своей доктрины, сокрушающим потоком ринулись на равнину Бельгии в 1914 г.

Первые же столкновения с армиями враждебных стран показали стратегическую и тактическую правильность положений германской доктрины.

Так обстояло дело в Германии. Основной вывод, который можно сделать отсюда, следующий: *все военное дело данного государства вплоть до учения, на основе которого строятся его вооруженные силы, является отражением всего уклада его жизни и, в конечном счете, его экономического быта, как первоисточника всех сил и ресурсов.* Никогда германским генералам не удалось бы создать своей военной доктрины, и даже если бы это было сделано, они не сумели бы при-

вить ее всей толще германской армии, если бы этому не благоприятствовали соответствующие условия германской жизни.

IV

Перейдем теперь к Франции.

Эта страна тоже является представительницей хищнического империализма. Так же как германская буржуазия, Франция всегда была готова захватить чужое добро и действовала в таких случаях ничем не хуже «милитаристской» Германии. Но в действиях французской буржуазии все же имелось существенное отличие от действий ее восточной соседки. В спорах с конкурентами из-за добычи недоставало ей той откровенной наглости и самоуверенности, которыми отличалась германская правящая клика. Стоит вспомнить лишь конфликты 1905, 1909 и 1911 гг. с той же Германией из-за Марокко и ту трусливую, хищную и изворотливую политику, которую проводила тогда Франция, цепляясь за ускользавшую из рук добычу и в то же время не имея решимости начать грызню.

Этот своеобразный характер французской внешней политики определялся общим экономическим и политическим положением Третьей республики. Французская промышленность далеко отставала в своем развитии от промышленности других передовых стран; французское население в течение ряда лет не обнаруживало тенденции роста, и фраза «население остается в стационарном положении» стала обычной характеристикой движения народонаселения Франции по данным ежегодного статистического отчета. Вместо открытого захвата чужих территорий, сопряженного с риском ввязаться в тяжелую борьбу, французский капитал искал других, более спокойных путей эксплуатации чужого труда, идя широко на сделки всякого рода с иностранным капиталом в целях мирного дележа добычи.

Этот оппортунистический, неуверенный в себе, в своих силах, чуждый активности дух французской буржуазии, стоявшей у руля правления, определял собою и общий характер французской военной политики. Несмотря на наличие во французской армии богатейших военных традиций, начиная с великого Тюренна и кончая Наполеоном, несмотря на данные ими блестящие образцы военного искусства в духе смелой, наступательной стратегии и тактики, военная доктрина армии Третьей республики уступала германской. Ее отличало чувство неуверенности в своих силах, отсутствие широких наступательных планов, неспособность смело искать

решения боя, стремясь навязать свою волю противнику и не считаясь с волей последнего. В своем положительном содержании сущность доктрины, на которой воспитывалась французская армия последней эпохи, заключалась в стремлении разгадать план противника, занять для этого выжидательное положение и лишь по выяснении обстановки искать решения в общем наступлении. Таковы были существенные черты французской военной доктрины, наложившей свой отпечаток на весь образ действий французской армии в минувшую войну, особенно в первый, маневренный ее период.

Здесь особо следует подчеркнуть, что по своим индивидуальным дарованиям французские полководцы вряд ли уступают германским. Помимо того, многие из них теоретически стояли на точке зрения не своей, а именно германской доктрины с ее духом величайшей активности. И при всем том общего духа французской армии, всего ее внутреннего строя и характера господствовавших в ней взглядов на методы разрешения боевых проблем они изменить не могли, так как это являлось отражением более могучих факторов, чем усилия отдельных лиц.

Таким образом, пример Франции еще более подтверждает все то, что было сказано нами по вопросу о доктрине в связи с Германией. Военный уклад данного государства, характер господствующих в военной среде взглядов и настроений и, наконец, самое содержание принципов военного дела определяются всем строением жизни данного периода и, в частности, существом и характером того общественного класса, который в данное время стоит у власти.

Что касается Англии, то пример ее любопытен в том отношении, что в силу географических и исторических особенностей ее положения внимание правящего класса было направлено не на сухопутную армию, а на флот. Англия являлась и является по преимуществу колониальной державой. Эксплоатация колоний была главным источником обогащения британской буржуазии, и поддержание колониального господства составляло ее главнейшую военную задачу. В связи с этим обеспечение господства над морем приобрело для английского капитала значение вопроса жизни и смерти. Эта идея и стала основным руководящим принципом английской военной доктрины. Конкретно это вылилось в обязательную для всех английских правительств минувшей эпохи формулу: иметь флот, равный соединенным флотам двух сильнейших морских держав. До последнего времени эта программа неуклонно осуществлялась, но теперь, с появлением на арене конкуренции такого соперника, как Соединенные

Штаты Америки, положение изменилось, и энергия английской буржуазии должна будет искать какую-либо новую формулу, обеспечивающую ее захватническую политику.

Несколько слов о военной доктрине русской армии времен царизма.

После всего, что было сказано выше о нашей военной доктрине, самая постановка этого вопроса может показаться странной; но доктрина, хотя и неоформленная, в царской армии все-таки была, и хотя она ничего положительного собой не представляла, все же и на этом отрицательном примере можно показать теснейшую связь учения о войне с общим укладом жизни.

Политическая сторона этой доктрины сводилась к триединой идее — православия, самодержавия и народности, — вбивавшейся в головы молодых солдат на уроках знаменитой словесности. Что же касается военно-технической части ее, то она в наших руководящих наставлениях являлась простым заимствованием у иностранных оригиналов, большей частью лишь в ухудшенном издании; но и в этом своем виде доктрина являлась мертворожденным детищем наших немногочисленных военных теоретиков, оставаясь чуждой не только всей массе рядового командного состава, но и ее высшим руководителям. Здесь ярко сказалось все беспримерное убожество, вся внутренняя гнилость и дряблость царской России последних времен. В самом деле, армия всегда была предметом особого попечения царей, и тем не менее эта самая армия в их руках оказалась никуда не годной силой.

Изложенное позволяет сделать некоторые общие выводы по интересующему нас вопросу.

Первый из них — это уже неоднократно повторенная нами мысль о том, что *военное дело данного государства, взятое в его совокупности, не является самодовлеющей величиной и целиком определяется общими условиями жизни этого государства.*

Второй — что *характер военной доктрины, принятой в армии данного государства, определяется характером общей политической линии того общественного класса, который стоит во главе его.*

Третий — *основное условие жизнеспособности военной доктрины заключается в ее строгом соответствии общим целям государства и тем материальным и духовным ресурсам, которые находятся в его распоряжении.*

Четвертый — *доктрины, способной быть жизненным организующим моментом для армии, изобрести нельзя. Все основные элементы ее уже даны в окружающей среде, и*

работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, в сведении их в систему и в приведении их в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

Пятый — основной теоретической задачей работников Рабоче-Крестьянской Красной Армии должно явиться: изучение характера окружающей нас общественной среды; определение характера и существа военных задач, вытекающих из существа самого государства; изучение условий, обеспечивающих их выполнение как в отношении материальных, так и духовных предпосылок; изучение особенностей строительства Красной Армии и применявшихся в ней методов борьбы; согласование с требованиями военной науки и искусства всех тех особенностей, которые объективно и неразрывно связаны с характером нашего пролетарского государства и переживаемой нами революционной эпохи.

V

Какие же основные элементы должны лечь в основу военной доктрины нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии?

Чтобы ответить на это, обратимся прежде всего к анализу нашего государства.

По своему характеру, по своей сущности наша родина представляет собой государственное образование совершенно нового типа. В отличие от всех остальных государств, существующих сейчас на земном шаре, РСФСР является единственным в мире государством, где господство принадлежит труду. Начиная с октября 1917 г., когда рабочий класс России, поведя за собой широкие массы трудового крестьянства, вырвал власть из рук крупной и мелкой буржуазии, мы живем в рабоче-крестьянском государстве, где руководящая роль у рабочего класса.

Основная идея и смысл пролетарской диктатуры сводятся к задаче уничтожения капиталистических производственных отношений и замены их строем, основанным на началах общественного владения средствами производства и планомерного распределения продуктов этого производства. Идея эта находится в непримиримом противоречии с основами существования остальных государств мира, где пока всюду царит капитал.

Диктатура пролетариата означает самую беззаветную, самую беспощадную войну класса трудящихся против класса властителей старого мира — буржуазии, которая, опираясь на силу всего международного капитала, на силу и проч-

ность своих международных связей и, наконец, на стихийный консерватизм мелкобуржуазных масс, является грозным и могучим врагом вновь нарождающегося мира. Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть; войны, требующей колоссальной выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли. Внешняя форма этих взаимоотношений в зависимости от меняющихся условий и хода борьбы может видоизменяться; состояние открытой войны может уступить свое место какой-либо форме договорных отношений, допускающих до известной степени мирное сожительство враждующих сторон. Но основного характера взаимоотношений эти договорные формы изменить не в состоянии. И нужно вполне осознать и открыто признать, что совместное параллельное существование нашего пролетарского Советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно.

Буржуазия с энергией, удесятеренной фактом ее свержения хотя бы в одной нашей стране, в предчувствии надвигающейся на нее гибели, не может успокоиться, пока не уничтожит очага, являющегося рассадником и источником опасности ее всемирному могуществу. При первом удобном случае волны буржуазного, капиталистического моря, окружающие наш пролетарский остров, вновь ринутся на него, стремясь смыть все завоевания пролетарской революции. И в то же время пламя революционного пожара все чаще и ярче вспыхивает в разных странах буржуазного мира, и грозный топот готовящихся к штурму его пролетарских колонн говорит о каких-то попытках и с другой стороны. Это противоречие может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может.

Отсюда получается следующий вывод: сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца и, в первую очередь, каждого члена руководящей государственной жизнью коммунистической рабочей партии должно быть пропитано той мыслью, что наша страна попрежнему находится в положении осажденной крепости и будет в нем находиться, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены попрежнему на создание и укрепление нашей военной мощи, что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания, заботливости и попечения

о нуждах армии, в атмосфере которой только и может идти успешно дело строительства наших вооруженных сил.

Этот момент всенародного сознания неизбежности и важности военных задач, лежащих перед государством, является первым и самым важным элементом в будущей единой военной доктрине Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Здесь следует отметить еще одну особенность, отличающую доктрину армии рабочего государства. Так как буржуазии всех стран приходится навязывать трудящимся массам по существу чуждые им военные цели, то это достигается при помощи всевозможных ухищрений, строящихся либо на возбуждении низких инстинктов толпы (жажда мести, самый дикий национальный шовинизм и пр.), либо на массовом обмане. Стоит лишь вспомнить, например, историю с «ключами от святых мест», византийское наследство (Россия), идею реванша (Франция) и пр.

Для рабочего государства, каковым является Советская Россия, никакой необходимости в этих средствах обмана нет. Классовая заинтересованность трудящихся в победе революции и идея их международной солидарности, как средство обеспечения победы, являются вполне достаточными для создания крепчайшей связи для целей общей борьбы. Имеются ли налицо данные для того, чтобы этот элемент стал живой составной частью мировоззрения широких трудящихся масс России? Несомненно, да. Запасов духовной энергии у борющегося за свое освобождение рабочего класса вполне достаточно; необходимо лишь, чтобы затрата их производилась в соответствующем направлении и с достаточной планомерностью и систематичностью. Средством для достижения этого должна быть организованная в государственном масштабе военная пропаганда.

Органом, разрабатывающим все связанные с этим вопросы, должен стать ПУР, а проводником в жизнь их — все органы народного образования под общим руководством Главполитпросвета. Только такая постановка работы может создать такую же благоприятствующую укреплению военной мощи Республики среду, которая имелась в Германии. Роль германской школы в этом деле достаточно хорошо известна. Стоит лишь вспомнить ставшую знаменитой фразу о том, что «честь победы под Садовой и Седаном принадлежит германскому школьному учителю». Надо, чтобы честь победы мировой революции, совершающейся на наших глазах, тоже досталась нашему школьному и внешкольному учителю и пропагандисту.

Что касается конкретного общественно-политического содержания этой части будущей нашей доктрины, то оно целиком дано нам в готовом виде в идеологии рабочего класса — в программе Российской коммунистической рабочей партии. Прежняя формула царской армии: «православие, самодержавие и народность» уступила свое место идеям революционного коммунизма, советской власти как специфической формы пролетарской диктатуры, международного братства и солидарности трудящихся. Трехгодичная деятельность политических отделов и коммунистических ячеек Красной Армии принесла уже достаточно осязательные результаты в смысле политического воспитания в новом духе широких красноармейских масс и, продолжаясь дальше в этом же направлении, должна нам подготовить единую, крепко спаянную сверху донизу единством политической идеологии, вооруженную силу.

Основной задачей текущего дня в этом отношении, наряду с углублением и расширением политической работы на низах, является работа по приобщению к общей красноармейской массе нашего командного состава. Государство должно всем весом своего влияния в кратчайший срок покончить с теми остатками политической разъединенности, которые до сих пор наблюдаются в Красной Армии. Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть оттуда изъяты. Это отнюдь не означает необходимости для всего командного состава Карсной Армии стать членами коммунистической партии. Но это значит — добиться такого положения, чтобы командный состав стал фактически советским, чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой, чувствовались полная спайка и взаимное понимание.

VI

На вопрос о характере военных задач, могущих встать перед нами, т. е. должны ли они быть строго оборонительного характера или Красная Армия Республики должна быть готова в случае нужды к переходу в наступление, — из всех предшествующих соображений вытекает совершенно определенный ответ.

Общая политика рабочего класса, класса активного по преимуществу, класса, стремящегося к победе над всем буржуазным миром, не может не быть активной в самой высокой степени. Правда, если считаться с материальными ресурсами только своей страны, то пределы этой активности ста-

новятся довольно узкими и определяются для настоящего времени тем уровнем экономического развития и общего нашего положения, на котором мы стоим сейчас. Возможно поэтому, что определенный промежуток времени активно революционная энергия рабочего класса не будет направлена на достижение целей нынешнего порядка. Но этот факт не меняет существа дела. К политике в полной мере применим тот принцип высшей стратегии, который говорит: «Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать; сторона, только обороняющаяся, неизбежно обречена на поражение». Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к наступлению на капитал, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Таким образом, в этом пункте мы имеем полное совпадение требований военного искусства и общей политики. В отношении же материального обеспечения возможности проведения этой наступательной линии следует учитывать то обстоятельство, что базой нашего наступления может быть не одна Россия, а целый ряд и других стран. Все зависит от степени созревания революционного процесса внутри этих стран и способности их рабочего класса выступить на открытую борьбу со своим классовым противником.

Классовый характер предстоящих столкновений, обеспечивающий содействие нам в интересах общего дела всех пролетарских элементов, в значительной мере уничтожает отрицательное значение приведенного выше указания на тяжелое экономическое положение нашей страны. Стало быть, пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе как главное его оружие будет наступать и Красная Армия.

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций.

Если мы обратимся к имеющемуся уже в Красной Армии боевому опыту, то увидим, что по существу она уже давно действует именно в этом духе. Почти все значительные операции времен гражданской войны носят следы проявления духа активности и инициативы с нашей стороны. Можно сказать даже, что порой эта активность у нас, переливаясь через край, граничит с неумением учесть данные конкретной обстановки настоящего дня и не подвергнуться опасности чрезмерного риска.

Все это совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой пролетариатом, иного настроения, кроме активного, и быть не могло.

Указанный выше активный характер грядущих военных столкновений предъявляет целый ряд практических требований нашему генеральному штабу. Необходимо поставить работу высших штабов так, чтобы Красная Армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и в любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка старого света.

Между прочим, подготовка нашего командного состава должна включать в себя знание не только чисто военных, но и экономических и политических условий возможных театров военных действий. Здесь перед военным аппаратом вообще раскрывается огромная по своим размерам и значению перспектива подготовительной работы.

Анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений, мы заранее можем предвидеть, что в техническом отношении мы, несомненно, будем слабее наших противников¹. Обстоятельство это имеет для нас чрезвычайно серьезное значение, и мы, помимо напряжения всех сил и средств для достижения технического совершенства, должны искать путей, могущих хотя бы до известной степени уравновесить эту невыгодную для нас сторону.

VII

Некоторые средства для этого имеются. Первым и важнейшим из них является подготовка и воспитание нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба.

Размеры наших территорий, возможность отступать на значительное расстояние, не лишаясь способности к продолжению борьбы, и пр. представляют благоприятную почву для применения маневров стратегического характера, т. е. вне поля боя. Наш командный состав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования, а вся масса Красной Армии должна обучаться искусству быстро и планомерно производить марш-маневры. Опыт минувшей империалистической войны в ее первоначальной стадии, а равно весь опыт нашей гражданской войны, носившей по преимуществу маневренный характер, дает в том отношении богатейший материал для изучения.

В связи с этим в общей экономии наших военных средств

¹ На сегодня такое утверждение уже не соответствует действительности. — *Ред.*

инженерная оборона и нападение, играющие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии должны отойти на задний план. Вспомогательная роль, которая должна быть отведена этому роду оружия, сводится к тому, чтобы служить вспомогательным средством для операций полевого характера. Пользование местностью, широкое применение ее искусственного укрепления, создание искусственных временных рубежей, обеспечивающих выполнение общего марш-маневра,— вот область приложения сил и средств этого порядка. В частности, роль и значение крепостей в будущих наших операциях будут совершенно ничтожны¹. За счет крепостей гораздо целесообразнее будет усилить полевые войска.

Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником.

Опять-таки опыт нашей гражданской войны в этом отношении дает нам богатейший материал. Действия партизан в Сибири, борьба в казачьих областях, «басмачество» в Туркестане, «махновщина» и вообще бандитизм на Украине и пр. представляют необъятное поле для изучения и получения соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи «малой войны», повторяю, является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего генерального штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас.

В связи с тем же маневренным характером наших будущих операций стоит вопрос о пересмотре под этим углом зрения роли и значения в современном бою кавалерии. Позиционный характер минувшей империалистической войны в умах у многих создал представление о том, что конница,

¹ Речь идет о крепостях старого образца, ничего общего не имевших с современными укрепленными районами.— Ред.

как самостоятельная активная сила, особой роли играть уже не может и должна отойти на второстепенное место.

Правда, опыт гражданской войны вновь дал блестящие образцы самостоятельных действий конницы как с нашей стороны, так и со стороны нашего противника и вернул ей былое значение, но известно, что опыт только гражданской войны не всеми считается достаточно убедительным, а поэтому вопрос еще далеко не может считаться ясным для всех.

По нашему глубокому убеждению, в будущих операциях красной коннице будет принадлежать чрезвычайно важная роль, а посему забота о ее подготовке и развитии должна являться одной из первейших наших обязанностей.

В целях же наилучшей подготовки ее к выполнению боевых задач должно быть обращено особое внимание на изучение колоссального опыта гражданской войны и выработку на основе этого изучения специальных наставлений для старших кавалерийских начальников.

VIII

В организационном отношении основой наших вооруженных сил для ближайшего периода может быть только постоянная Красная Армия. Это вытекает из всего, что говорилось об общем характере наших боевых задач. Вопрос этот в настоящее время может считаться окончательно решенным в связи с соответствующим постановлением X съезда Российской Коммунистической партии и последующими правительственными декретами. Переход к милиционной системе на основе Всеобщего допустим лишь в той мере, в какой он позволяет достигнуть определенных сбережений в расходовании государственных средств, не подрывая способности Красной Армии к разрешению активных целей.

Что касается внутреннего быта Красной Армии, то он должен строиться в направлении максимального приближения к идеалам коммунистического общежития. Конечно, при данном уровне развития производительных сил пропаганда полного уравнивания командного состава с рядовой массой неосуществима и может вестись лишь теми, кто заинтересован в уничтожении крепости и мощи Красной Армии. Это ясно огромному большинству красноармейцев; но все же внутренний строй и распорядок армии Рабоче-Крестьянского Советского государства должен быть свободен от всяких привилегий, не вызывающихся потребностями службы и не вытекающих из ее характера. Только на этой почве мыслимо

создание той товарищеской спайки и взаимного понимания армейских верхов и низов, которые являются главным залогом физической и духовной мощи Красной Армии.

При строевом обучении элемент муштры в Красной Армии должен отойти на самый задний план; при этом самое понятие «муштры» совершенно должно быть изменено. О муштровке в старом смысле этого слова, т. е. в смысле чисто механического, с присоединением суровых мер воздействия, обучения элементам строя, не может быть и речи. Нам не к чему стремиться к достижению такой выучки строевиков, которая являлась идеалом для всякого рода любителей парадов и показательной стороны. Достаточно добиться известной стройности, быстроты и правильности при выполнении определенных построений. Механичности при этом вовсе не требуется; необходимо все строить на достижении этих эффектов путем максимального развития личной инициативы и самостоятельности каждого красноармейца. В этом отношении характерные особенности нашего государства и нашей армии открывают самые широкие перспективы. Мы имеем полную возможность строить единство армии не путем палочной дисциплины, а путем максимального умственного развития красноармейцев. В то время как всякое буржуазное государство должно опасаться приобщения к знаниям и развития духовной деятельности рабов капитала, для нас это самое развитие является вернейшим залогом победных достижений. Применительно к этому требованию должен быть приспособлен весь аппарат нашего обучения одиночного бойца.

Поддержание служебной дисциплины в рядах армии является обязательным и необходимейшим условием ее мощи, и в этом отношении требования Советского государства самые решительные. Но опять-таки между современным пониманием дисциплины и тем, что имело место в царской армии, лежит целая пропасть. Дисциплина в Красной Армии должна базироваться не на страхе наказания и голом принуждении, а на добровольном, сознательном исполнении каждым своего служебного долга, и первый пример такой дисциплины должен дать командный состав.

Чем должна поддерживаться дисциплина? Во-первых, сознательностью передовой части красноармейской массы, ее коммунистических ячеек, ее политруков и всего командного состава, их выдержкой, преданностью революции, героизмом и самопожертвованием. Во-вторых, умением командного состава связаться, сблизиться, до известной степени слиться с широкой красноармейской массой. В-третьих, правильностью его

политического и технического руководства, укреплением веры красноармейской массы в полное соответствие начальников своему назначению. Вне этих условий поддержание дисциплины в армии революционной, каковой является наша Красная Армия, — дело безнадежное. Конечно, абсолютно без всяких элементов принуждения обойтись нельзя, но применение их должны быть положены самые узкие пределы. Только тот может быть признан настоящим красным командиром, кто без всяких принудительных мер добьется полного подчинения своей воле.

Таковы в общих чертах должны быть основные элементы той военной доктрины, на основе которой должно происходить развитие и укрепление мощи Советской федерации. Для выполнения своего назначения идеи доктрины должны проникнуть, пропитать собой все наши военные уставы, наставления и пр., должны стать органической частью мировоззрения красноармейской массы и особенно ее командной части. Мне кажется вполне целесообразным основные практические положения, вытекающие из существа доктрины, изложить особо в отдельном уставе, который являлся бы основным катехизисом Красной Армии.

Вот примерный круг общих идей, которые, мне кажется, должны стать близкими всем, занимающимся разработкой вопросов военной теории в ее общей части. Несомненно, изложенное является лишь попыткой поставить вопрос и вызвать к нему соответствующее внимание. Что же касается его разрешения, то это может явиться лишь результатом длительной и упорной работы военно-теоретической мысли на основе коллективного опыта.

Остается выразить самое горячее пожелание, чтобы разработка вопроса о доктрине Красной Армии заняла и в нашей литературе и в нашей практической деятельности такое место, которое по праву должно ей принадлежать в силу особого ее значения для дела строительства вооруженных сил Республики.

Под наблюдением редактора
полковника Подорожного Н. Е.

Подписано к печати 6.5.41
Г518

Объем 1½ п. л., 1,3 уч.-авт. л.
В 1 печ. листе 41760 тип. зн.
Зак. № 292

1-я типография
Управления Военной дачи НКВД
имени С. К. Тимошенко
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3

Цена 15 коп.

16

48